

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.3)
EDN [OANXOC](https://edn.ru/0ANXOC)
УДК 323.2

А. В. Анищенко¹
¹ ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ЦИФРОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ РОССИЯН ПОСЛЕ НАЧАЛА СВО: ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ

Аннотация. Статья посвящена выявлению ключевых изменений в практиках политического участия российских граждан в период проведения специальной военной операции на территории Украины, обусловленных, помимо прочего, трансформацией публичного политического дискурса и цифровой среды. Анализируя феномен общественной консолидации в условиях СВО, ключевые модели политического участия и изменения медиапотребления россиян за последние два года, автор приходит к выводу, что после 24 февраля 2022 года в России произошла определённая трансформация публичного дискурса и структуры медиапотребления, а также связанных с этим фактором практик политического участия россиян. Наблюдается дифференциация социально-активной части населения на две неравных группы: с одной стороны, несогласное протестное меньшинство, главной формой политического участия и «высказывания» которого стали эмиграция или спонтанные акции протеста; с другой стороны – консолидированное патриотически настроенное большинство, выражающее поддержку деятельности руководства страны через традиционные, а также новые формы участия: благотворительность, волонтерство, «провластное» электоральное поведение, информационно-агитационную работу. Также отмечается, что преобладающими практиками политического участия, обусловленного использованием цифровых технологий, на сегодняшний день является волонтерская деятельность (включая «виртуальное волонтерство»), протестное политическое участие, а также конвенциональные практики электорального участия с использованием технологий дистанционного электронного голосования.

Ключевые слова: специальная военная операция, СВО, политическое участие, медиапотребление, волонтерство, протесты, дистанционное электронное голосование

Для цитирования: Анищенко А. В. Политическое участие и цифровые коммуникации россиян после начала СВО: особенности и основные формы // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 36–51. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.3). EDN [OANXOC](https://edn.ru/0ANXOC).

Введение. В условиях проведения специальной военной операции на Украине (СВО) обнаруживается определённая трансформация форм и моделей политического участия российских граждан относительно предшествовавшего исторического периода. Этому способствовало множество факторов, среди которых, прежде всего, стоит отметить коренные изменения в публичном политическом дискурсе, формирующем актуальную информационную повестку, масштабные сдвиги в массовом политическом сознании россиян, а также трансформацию объективных институциональных и правовых условий социального и политического развития российского общества, которое стало объектом масштабной антироссийской санкционной кампании, реализуемой так называемыми «недружественными государствами», и оказалось в непривычных (а в ряде регионов – в экстремальных) условиях, когда государство вынуждено вести боевые

действия и противостоять целой коалиции стран «коллективного Запада».

Целью данного исследования является выявление ключевых изменений в практиках политического участия российских граждан в период проведения СВО на территории Украины, обусловленных, в том числе, трансформацией публичного политического дискурса, цифровой среды и структуры медиапотребления.

Под практиками политического участия граждан мы понимаем разнообразные формы деятельности граждан, направленные на выбор политиков, принятие и реализацию политических решений. В современных государствах выделяются конвенциональные (электоральное участие, гражданский активизм, участие в партийной работе и др.) и неконвенциональные (главным образом протестная активность) практики политического участия. К цифровым технологиям коммуникации мы относим технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде. Различные цифровые сервисы, сайты и платформы используются современными гражданами для осуществления коммуникации друг с другом, с государством, с различными политическими и общественными организациями. Речь идёт, прежде всего, о социальных сетях, различных мессенджерах и социальных медиа.

Методологической основой исследования являются методы политической социологии. Эмпирической базой выступают информационные, социологические и фактологические источники, содержащие сведения о ключевых аспектах динамики политического участия российских граждан, а также влияния цифровых технологий и онлайн-инструментов на реализацию политической активности россиян.

Проблематика влияния цифровизации и цифровых технологий коммуникации на изменение политического участия достаточно широко освещена в научной литературе. Большой вклад в понимание трансформации практик политического участия в условиях развития информационно-коммуникационных технологий, глобализации и цифровизации внесли такие современные исследователи, как М. Барретт, И. Брантон-Смит [1], А. Врумен [2], Й. Теочарис [3]. Современные отечественные исследования политического сознания и поведения российских граждан, в частности, в контексте использования новых медиа, ресурсов и технологий социальных сетей представлены в работах Е. В. Бродовской [4], О. В. Поповой [5], А. В. Селезневой [6].

Политический характер развития и функционирования цифровых медиа и социальных сетей находится в центре внимания ряда отечественных учёных. Большая часть работ посвящена анализу мобилизационного и манипуляционного потенциала социальных сетей и других онлайн-ресурсов. Важно, на наш взгляд, отметить исследования В. К. Левашова [7], П. Н. Карпова [8], С. В. Куныщикова [9], Г. С. Мельника [10], Т. Л. Шестова [11]. Таким образом, исследование воздействия цифровой трансформации, влияния онлайн-технологий и социальных сетей на специфику политического участия граждан носит пока узкоспециализированный, порой фрагментарный характер, не охватывающий больших временных промежутков. В научной литературе и современных аналитических исследованиях достаточно широко представлен анализ влияния современных цифровых технологий на трансформацию и расширение политического участия граждан как в России, так и за рубежом (на примерах событий «арабской весны», протестных выступлений в США, Гонконге, на Украине и т.д.).

В свою очередь, недостаточно проработанными в научной литературе представляются вопросы, связанные с интерпретацией актуальных практик поли-

тического участия россиян в период проведения СВО, а также в условиях международных санкционных ограничений, институциональных изменений цифровой среды и связанных с этим трансформаций медиапотребления и использования цифровых платформ, мессенджеров, социальных сетей. Этот пробел призвано восполнить данное исследование.

Политическое участие россиян и общественная консолидация в условиях проведения СВО. Изменения институционально-правовой среды реализации политического участия россиян и функционирования публичного политического дискурса после 24 февраля 2022 года связаны с рядом политических решений и законодательных новелл, принятых руководством России и направленных на укрепление национального суверенитета и обеспечение стабильности социально-политической системы в сложившихся непростых для страны условиях.

Так, 4 марта 2022 года приняты поправки в АК РФ и УК РФ, устанавливающие административную ответственность¹ за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооружённых сил РФ, и уголовную ответственность² за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации («фейков»), которая включает данные об использовании и действиях Вооружённых сил РФ.

14 июля 2022 года принят Федеральный закон № 255 «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»³, который стал своего рода обобщающим законом в сфере контроля и регулирования деятельности физических и юридических лиц, которым присвоен статус иностранного агента. Указанный закон, а также пакет законодательных поправок, внесённых Государственной Думой РФ в ноябре 2022 года, по сути, унифицировали систему ограничений и запретов, касающихся деятельности иностранных агентов на территории России. Дополнительно к существовавшему до нововведений реестру иностранных агентов был создан также Единый реестр физических лиц, аффилированных с иностранными агентами.

На август 2024 года так называемый «список иноагентов» включает в себя 840 юридических и физических лиц, из которых порядка 60% получили свой статус после 24 февраля 2022 года⁴. Отметим, что в условиях проведения СВО существенно пополнился и перечень организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России. Так, в актуальном перечне нежелательных организаций, размещённом на сайте Минюста РФ⁵, около 70% составляют организации, попавшие в список после начала СВО.

¹ Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47612> (дата обращения: 09.08.2024).

² Федеральный закон от 04.03.2022 г. № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47616> (дата обращения: 09.08.2024).

³ Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170> (дата обращения: 09.08.2024).

⁴ Реестр иностранных агентов // Минюст России: [официальный сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-26072024.pdf> (дата обращения: 09.08.2024).

⁵ Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Минюст России: [официальный сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/documents/7756/> (дата обращения: 09.08.2024).

Очевидно, что обозначенные нововведения и тенденции стали фактором существенного ограничения деятельности так называемой российской несистемной оппозиции и её влияния на массовое политическое сознание россиян, снизив её протестно-мобилизационный потенциал. Социологические измерения также демонстрируют существенное снижение показателя личного протестного потенциала российских граждан в период после начала СВО. Так, согласно данным ВЦИОМ, если в феврале 2022 года до 18% опрошенных были готовы принять участие в массовых акциях протеста в своём населённом пункте «против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав и свобод», то начиная с марта 2022 года показатель личного протестного потенциала снижается на 7–8 пунктов и на протяжении последних двух с половиной лет не поднимается выше 11%⁶.

В то же время начало СВО в феврале 2022 года стало фактором масштабной социальной консолидации россиян и роста патриотических настроений. Так, уровень одобрения деятельности Президента России с февраля по март 2022 года вырос на 14,1% и достиг рекордного показателя в 81,6%⁷. Впоследствии, в 2022–2024 годы, президентский рейтинг не показывал значимых снижений и продолжает оставаться в диапазоне от 78 до 81,2%.

Спустя два года после начала СВО общество страны продолжает проявлять высокий уровень консолидации вокруг национальных интересов и ценностей. Исследования, проведённые ВЦИОМ, показывают, что более 70% россиян поддерживают идею о необходимости внесения каждым гражданином посильного вклада в успешное завершение военной операции⁸, что свидетельствует о глубоком патриотическом духе и готовности населения поддержать усилия государства. Одним из ключевых моментов, подчёркнутых данными исследования, является принцип «Все для фронта, все для победы!», поддерживаемый двумя третями опрошенных. Этот девиз становится не просто лозунгом, а своеобразным катализатором мобилизации общества и направления усилий на достижение общей цели. Помимо этого, стоит отметить, что в условиях военной операции на Украине российское общество проявляет не только единство, но и готовность к активным гражданским действиям: так, например, волонтерские и благотворительные инициативы, направленные на поддержку военнослужащих и пострадавших от конфликта, становятся всё более популярными и поддерживаются гражданами.

Таким образом, СВО не только вызвала значительные перемены в политическом и военном аспектах, но также привнесла новые формы единства и солидарности в российское общество, отмечающие значимость поддержки национальных интересов и целей. Исследователи подчёркивают, что, несмотря на ослабление доверия государству на фоне пандемии и инфодемии, решение об СВО и последующие события в значительной степени консолидировали и мобилизовали российское общество [12; 13].

Пожалуй, наиболее убедительным доказательством высокого уровня консолидации российского общества в условиях проведения СВО и масштабных

⁶ Протестный потенциал // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial> (дата обращения: 09.08.2024).

⁷ Доверие политикам // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam/> (дата обращения: 09.08.2024).

⁸ Специальная военная операция: два года спустя // ВЦИОМ. 24.02.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-dva-goda-spustja> (дата обращения: 09.08.2024).

международных санкций являются результаты электорального участия российских граждан в избирательных циклах, которые пришлось на 2022–2024 годы.

Так, с 9 по 11 сентября 2022 года в условиях проведения СВО в стране состоялась очередная Единый день голосования (ЕДГ), затронувший 19 российских регионов и 12 региональных центров практически во всех федеральных округах России. Результатом ЕДГ стало переизбрание действующих глав регионов и врио, а также представителей «Единой России» и самовыдвиженцев, которых поддержала «партия власти» [14]. Конечно же, о новой консолидации россиян свидетельствуют также и результаты президентских выборов в России, прошедших в марте 2024 года. В. В. Путин получил беспрецедентные 87,28%⁹ голосов избирателей, что свидетельствует о сплочении российских граждан вокруг фигуры главы государства — национального лидера.

Несмотря на обозначенные тенденции, за два с половиной года проведения СВО фиксируются также и случаи протестного политического участия российских граждан. Пожалуй, одной из наиболее острых и чувствительных тем в этой связи стало объявление 21 сентября 2022 года частичной мобилизации, которая стала причиной второй с начала СВО волны массовой эмиграции из России, а также протестного политического поведения. Во многом из-за неслаженной системы информирования населения, противоречивой, а порой и вовсе недостоверной информации в СМИ, резкого роста цен на военную экипировку в российском обществе наблюдался повышенный уровень тревожности, а само решение о частичной мобилизации стало серьёзным вызовом для политико-административной системы [15]. В ряде регионов России вследствие этого прошли протестные акции, которые привели к задержанию более 1000 участников.

Социологи также отмечают, что наименьший уровень поддержки решения о частичной мобилизации наблюдался в молодёжной среде. Несмотря на то, что молодые россияне, как и большинство граждан, в целом положительно оценивают решение о начале СВО, лишь 45% из них придерживаются аналогичных оценок в отношении частичной мобилизации [16]. При этом и исследователи, и представители власти отмечают, что протестные акции осенью 2022 года носили скорее характер «стихийных вспышек», а «организованный протест как форма политической реакции едва ли осуществим в нынешней ситуации»¹⁰.

Высокий уровень поддержки действий государства в контексте проведения СВО, консолидация российских граждан вокруг фигуры Президента РФ, принятие большинством россиян того факта, что Россия сегодня противопоставляется всему военному блоку НАТО и «коллективному Западу» как таковому, являются факторами формирования особого типа гражданского общества с присущими ему характерными формами и моделями политического участия. Так, по мнению В. А. Ильина и М. В. Морева, в России в период СВО «начали формироваться новые черты гражданского общества», основными чертами которого является ярко выраженная патриотическая направленность, руководство принципом «Все для фронта, все для победы!», способность к самоорганизации граждан, бизнеса и НКО для решения гуманитарных и волонтерских задач:

⁹ Постановление Центральной избирательной комиссии РФ «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 17 марта 2024 года» // ЦИК РФ: [официальный сайт]. 21.03.2024. URL: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/p_itogi/ (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁰ О реакции общества на частичную мобилизацию // Независимая газета. 03.10.2022. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-10-03/2_8555_editorial.html (дата обращения: 09.08.2024).

«Активизировались общественные и волонтерские объединения, осуществляя различные гуманитарные акции по поддержке российских военнослужащих, задействованных в специальной военной операции... Благотворительными организациями были оперативно созданы круглосуточные телефонные линии для психологической и юридической помощи мобилизованным гражданам и их родственникам» [17, с. 23].

Декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ А. Б. Шатилов также полагает, что можно сегодня говорить о формировании в среде патриотически настроенного российского общества гражданского общества «третьего пути»: «В условиях СВО в России сформировался новый тип гражданского общества — “страхующий”, который свою задачу видит в содействии военной кампании за счёт “подстраховки” и “компенсации” ошибок и просчётов власти» [18, с. 12]. Исследователь предлагает выделять несколько групп представителей «нового типа» гражданского общества в России в условиях проведения СВО [18, с. 13]:

- Волонтеры-«гуманитарщики», основной формой гражданского и политического участия которых являются сбор материальных средств и снаряжения для участников СВО, гуманитарной помощи для жителей пострадавших территорий, поддержка семей мобилизованных граждан и т.п.
- Военкоры и военные блогеры, осуществляющие освещение хода СВО непосредственно из зоны боевых действий.
- «Диванные войска», занимающиеся агитационной работой, противодействием фейковой информации, производством и распространением пропагандистской информации.
- Волонтеры-«техники», производящие «околовоенную» технику (дроны, маскировочные принадлежности и др.), закупку и ремонт транспортных средств и т.д.

Пожалуй, именно волонтерская деятельность в последние два года стала одной из наиболее развивающихся форм гражданского участия россиян. Особенно заметна тенденция к росту объёмов добровольческой активности среди молодого населения. Как показывают социологические исследования, 65,5% российских студентов положительно относятся к волонтерской работе, направленной на помощь участникам СВО и мирным жителям, находящимся в зоне военного конфликта; при этом 73,4% студенческой молодёжи так или иначе участвуют в добровольческой деятельности и благотворительных мероприятиях, направленных на поддержку бойцов и мирных жителей в зоне СВО [19, с. 78–79].

Трансформация цифровых коммуникаций и медиапотребления россиян в 2022–2024 гг. СВО не только стала важным фактором трансформации ключевых моделей гражданского и политического участия россиян, но и повлияла на структуру медиапотребления и практику цифровых коммуникаций российских граждан. Последнее, в свою очередь, как мы покажем ниже, сказалось на изменении репертуара цифрового политического участия и гражданского активизма, обусловленного цифровыми технологиями.

Уже в первые месяцы проведения СВО в привычной структуре медиапотребления россиян произошли существенные трансформации, связанные с ве-

* Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

дением ряда ограничительных и запретительных мер. Так, в частности, по решению суда подверглись блокировке популярные социальные сети Facebook* и Instagram*, а также были признанными экстремистскими и запрещены на территории РФ ряд средств массовой информации. Результатом этих мер стало изменение структуры потребления контента и перераспределение аудитории русскоязычных пользователей.

Помимо указанных последствий, исследователи отмечают существенные изменения массовых настроений россиян, связанные со столь неожиданными для них изменениями привычных (повседневных) практик медиапотребления. Отмечается, что блокировка указанных социальных сетей стала своего рода «нарушением привычного эмоционально-информационного и поддерживающего пространства» [20], а у существенной доли молодых россиян и вовсе вызвала «непонимание, неодобрение и социально-психологическую напряжённость» [21, с. 58].

Ограничительные меры, блокировка отдельных социальных сетей и электронных средств массовой информации более чем оправданы в контексте масштабной информационной войны, одним из «фронтов» которой, несомненно, является цифровое пространство. Распространение по цифровым каналам коммуникации фейков, намеренной дезинформации, вражеской пропаганды – все это в текущих условиях является эффективным инструментом для недружественных России субъектов воздействия на массовое политическое сознание россиян. Несмотря на это, как отмечают В. К. Левашов и О. В. Гребняк, «блокировка и запрет источников информации, морально и нравственно опасных и неприемлемых для социума, ставших, по сути, информационным оружием, воспринимаются некоторыми гражданами в качестве нелегитимной цензуры» [7, с. 211].

Согласно исследованию ВЦИОМ 2023 года, в ежедневном режиме пользуются социальными сетями или мессенджерами 85% граждан России. При этом доля молодёжи по этому показателю достигает рекордных 92% у россиян в возрасте от 18 до 24 лет и 94% – в возрасте от 25 до 34 лет¹¹. Показательна в этом отношении доля вовлеченности в такую практику медиапотребления как просмотр телевидения, которая составляет на сегодняшний день всего лишь 50%.

Наибольшее количество времени российские пользователи проводят в социальной сети «ВКонтакте» (129 минут/сутки), тогда как второе и третье место занимают TikTok и Telegram – 125 и 123 минуты в сутки соответственно. Стоит отметить, что в период проведения СВО на первое место по популярности среди подписок в социальных сетях вышли новостные сообщества (77%), которые существенно оторвались от разного рода образовательных (41%), юмористических (35%) и развлекательных (33%) пабликов¹².

Данные проекта Mediascope Cross Web также демонстрируют высокую степень цифровой вовлеченности россиян: из 122 млн российских граждан старше 12 лет порядка 100 млн (83%) пользуются интернетом в ежедневном режиме (в среднем более 4 часов в сутки)¹³. При этом, как отмечается в исследовании, среднесуточное потребление социальных сетей у россиян составляет в среднем

¹¹ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. 10.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 09.08.2024).

¹² Там же.

¹³ Тренды медиапотребления в России // Adindex. 21.11.2023. URL: <https://adindex.ru/publication/analitics/search/2023/11/20/317349.phtml> (дата обращения: 09.08.2024).

около 1 часа в сутки, а с начала СВО данный показатель демонстрировал неустойчивую динамику: если в феврале-марте 2022 года интерес к новостным пабликам показал взрывной рост, а после блокировки Facebook* и Instagram*, напротив, время использования социальных сетей сократилось, то уже осенью 2022 года данный показатель вновь существенно возрос.

На сегодняшний день социальная сеть «ВКонтакте» является крупнейшей по ежемесячному охвату пользователей, тогда как за последние два года лидером по ежедневному охвату стала социальная сеть Telegram, резкий прирост пользователей которого наблюдался после блокировки Facebook* и Instagram*. По данным опроса ВЦИОМ, в декабре 2022 года Telegram использовали 51% россиян старше 18 лет, в то время как в феврале 2022 года только 29% заявляли об его использовании¹⁴. Изменилось и соотношение практик использования Telegram: порядка 30% всего времени использования данной платформы приходится на чтение Telegram-каналов¹⁵, тогда как остальное время тратится на использования площадки в качестве мессенджера.

В Mediascope отмечают в 2022 году значительный рост интереса к новостному контенту. С началом специальной военной операции на Украине охваты новостных ресурсов существенно выросли. Пиковые охваты пришлось на первые недели после начала СВО и на период объявления частичной мобилизации. Одной из ключевых цифровых площадок российского медиапотребления в период проведения СВО стал Telegram: его пользователи потребляют преимущественно новостной и политический контент. Как показывают исследования, 43% ТОП-30 крупнейших по числу подписчиков сообществ в Telegram представляют новостные паблики; 23% крупнейших по аудитории сообществ Telegram производят контент политической направленности, а 17% пабликов непосредственно посвящены СВО¹⁶.

По данным Mediascope, порядка 60% в структуре общего медиапотребления россиян приходится на видео-форматы. При этом телевидение продолжает лидировать по доле времени потребления (40%), главным образом, за счёт линейного просмотра телевизионных каналов, тогда как среди цифровых площадок первую строчку занимает видеохостинг YouTube (7%), за которым следует социальная сеть TikTok (3%)¹⁷.

В докладе Минцифры РФ за 2022–2023 годы структура цифрового медиапотребления россиян представлена пятью основными видами активности: 1) социальные сети (18%); 2) просмотр видеоконтента (16%); 3) коммуникация в мессенджерах; 4) онлайн-игры (9%); 5) использование площадок e-commerce, включая онлайн-банкинг (4%)¹⁸. Как отмечается в указанном докладе, с начала специальной военной операции первая пятёрка основных онлайн-активностей российских граждан не изменилась, но при этом произошло перераспределение

* Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

¹⁴ ВЦИОМ: каждый второй россиянин использует Telegram // ТАСС. 08.02.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16998013> (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Аудитория Telegram: отчет // Mediascope. Январь 2024. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/0c1/bkerepc19h48r7e0ifziocun2qq2zhk/Telegram_отчет_январь2024.pdf (дата обращения: 09.08.2024).

¹⁷ Mediascope: 60% в структуре медиапотребления в России приходится на видео // Sostav.ru. 22.11.2023. URL: <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-64549.html> (дата обращения: 09.08.2024)..

¹⁸ Интернет в России в 2022-2023 годах: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад Минцифры РФ. М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023.

времени по тем или иным цифровым практикам. В частности, на 3 п.п. сократилось время использования социальных сетей при одновременном увеличении на 1 п.п. времени, проводимого в мессенджерах, по сравнению с аналогичным показателями прошлого года.

Специфика функционирования цифровой среды, особенности моделей цифровых коммуникации и медиапотребления пользователей формируют особый политический дискурс в сетевом пространстве. Если, как мы отмечали выше, социологические исследования фиксируют существенный патриотический подъем и общественную консолидацию после начала СВО в оффлайн-среде, то дискурс-анализ и изучение тональности контента, производимого на цифровых площадках, скорее говорит о явной поляризации по линии «за – против». Современные исследования показывают, что изменчивость общественных настроений россиян в период проведения СВО переместилась в интернет, что может быть связано главным образом с тем, что «в России социальные сети традиционно “перепредставляли” активистскую, молодую и более оппозиционную аудиторию», а также со спецификой функционирования самого интернет-сообщества, включающей «предрасположенность пользователей к открытой полемике с оппонентами, преобладание скептически настроенных групп, внутреннее устройство сетей, располагающее к комментариям-тредам и оперативной реакции на новостную ленту» [22, с. 173–174].

Наиболее выражено поляриность политического дискурса российских интернет-пользователей проявляется в сообществах, посвящённых теме СВО и актуальной политической повестке. Так, в 110 крупнейших политизированных сообществах «ВКонтакте» и Telegram почти 70% контента посвящено теме СВО, а анализ пользовательских комментариев и дискуссий показывает, что для данных медиасообществ «характерна однородная дискуссия с “затыканием” оппонентов и банами (блокировками) выразителей радикальных точек зрения <...> В дискурсе специальной военной операции заметна поляризация по принципу “эхо-камер”: хотя противоположные взгляды по поводу боевых действий и выражаются, коммуникация между противоборствующими сторонами является скорее исключением» [23, с. 24].

СВО и цифровое политическое участие россиян. За последнее десятилетие в России социальные сети и цифровые технологии коммуникации в целом стали существенным фактором, расширяющим спектр гражданского и политического участия граждан. В частности, социальные сети и мессенджеры используются как инструменты для организации, мобилизации, реализации тех или иных форм политического участия и гражданско-политического активизма. Под влиянием развития цифровых информационно-коммуникационных технологий появляются совершенно новые формы и модели гражданско-политического участия. В можно говорить о существовании сегодня феномена политического онлайн-участия (online political participation, OPP), или цифрового сетевого участия (digital networked participation, DNP) [24].

Все чаще социальные сети, новые онлайн-медиа и цифровые платформы с возможностью публикации пользовательского контента рассматриваются исследователями не просто как инструменты для осуществления коммуникации, но как виртуальные пространства для полноценной мобилизации для участия граждан в онлайн- или оффлайн-мероприятиях, политических и общественных акциях, выступлениях и пр. [25; 26].

Трансформации публичного политического дискурса, репертуара политического участия россиян, а также цифровой среды, которые произошли в связи с началом специальной военной операции, повлияли на практики цифрового политического участия российских граждан и их те формы их политического поведения, которые обусловлены использованием цифровых технологий. Более того, сама тематика СВО и связанные с ней события актуальной повестки (ход боевых действий, переговорный процесс, отношения России с другими субъектами мировой политики, антироссийские санкции и т.д.) является сегодня, как подтверждают исследования, проблематикой, имеющей наиболее высокий показатель «цифровой мобилизации» русскоязычных пользователей [27, с. 251].

В качестве примера практик политического участия россиян с использованием цифровых технологий коммуникации (включая социальные сети, мессенджеры, веб-сайты и другие платформы) в 2022–2024 гг. для дальнейшего анализа мы выбрали следующие:

- 1) волонтерские и добровольческие практики, в том числе практики «виртуального волонтерства»;
- 2) протестное политическое участия посредством мобилизации и координации в социальных сетях и мессенджерах;
- 3) дистанционное электронное голосование.

Мы полагаем, что указанные практики, с одной стороны, охватывают основной репертуар политического активизма российских граждан в указанный период, а с другой стороны, их анализ позволяет выявить особенности влияния цифровых технологий коммуникаций как на конвенциональное, так и на протестное политическое участие современных россиян.

Волонтерские и добровольческие практики. Волонтерская и добровольческая деятельность в период проведения СВО обрела в России существенный размах. На территории РФ сегодня функционируют десятки волонтерских ассоциаций и организаций, среди которых крупнейшие – Ассоциация волонтерских центров и Союз волонтерских организаций и движений. К 2024 году все волонтерские центры удалось объединить в федеральную социальную франшизу «Добро.Центры», базирующуюся на портале-экосистеме IT-сервисов ДОБРО.РФ¹⁹. На сегодняшний день на портале зарегистрировано более 6,7 млн волонтеров и более 125 тыс. организаций, осуществляющих волонтерскую деятельность.

Одним из самых масштабных благотворительных проектов, реализуемых в условиях проведения СВО, является Общероссийская акция взаимопомощи #МЫВМЕСТЕ²⁰, в рамках которой оказывается адресная помощь бойцам на передовой, жителям новых территорий, семьям мобилизованных, реализуются проекты по реабилитации и адаптации военнослужащих, производится сбор и доставка гуманитарной помощи. Ведущую роль в организации и координации указанных волонтерских практик играют цифровые ресурсы: официальные сайты проектов, разветвленная сетка сообществ в социальных сетях, сервисы специализированных направлений добровольческой активности.

Цифровые площадки играют сегодня ключевую роль в информировании населения о гуманитарных проектах и сборах помощи на нужды СВО. Пожалуй,

¹⁹ Портал «ДОБРО.РФ». URL: <https://dobro.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

²⁰ Портал #МЫВМЕСТЕ. URL: <https://мывместе.рф> (дата обращения: 09.08.2024).

одним из крупнейших федеральных проектов сбора средств в поддержку фронта и мирного населения присоединённых территорий стала акция Народного фронта «Всё для победы!»²¹, в которой приняли участие более 1,6 млн человек и организаций, собравших более 5 млрд рублей.

Протестное политическое участие. Первые случаи масштабного использования социальных сетей для взаимодействия и организации во время протестных акций были зафиксированы в ходе протестов в Иране и Молдавии 2009 года [28]. Кишинёвские протесты получили название первой «Революцией Твиттера»²², так как именно через записи в Twitter осуществлялась коммуникация участников протеста, а также координация их коллективных действий непосредственно в ходе уличных акций. В 2011–2012 годы крупные уличные протесты происходили в Москве и ряде других российских мегаполисов: основной причиной протестных выступлений было желание участников митингов заявить о своём несогласии с результатами выборов в Государственную Думу. Во всех указанных случаях именно социальные сети являлись не только инструментом организации и координации, но и источником информации о происходящем на улицах и площадях.

В качестве кейса протестного политического участия, инициированного и скоординированного с помощью социальных сетей, в период проведения СВО, стоит привести пример протестов в Дагестане 25–26 сентября 2022 года. Жители села Эндирей, городов Махачкала и Хасавюрт приняли участие в акциях протеста против объявленной частичной мобилизации. Во всех случаях инициаторами и координаторами протестных митингов выступили Telegram-канал «Утро Дагестана» и ряд других пабликов «ВКонтакте» и Telegram, созданных, по сообщениям официальных российских СМИ, в рамках «информационно-подрывной акции ЦИПСО ГУР МО Украины под патронажем ЦРУ США»²³.

Дистанционное электронное голосование. Электронное голосование на выборах различного уровня является на сегодняшний день одной из практик конвенционального цифрового политического участия российских граждан. Участие граждан РФ в выборах с помощью платформы ДЭГ осуществляется с 2020 года. В период проведения СВО в России прошло несколько электоральных циклов, а в марте 2024 года впервые на президентских выборах в 28 российских регионах была использована технология ДЭГ, которой воспользовались 4,4 млн избирателей, подавших заявление на портале Госуслуги. Стоит отметить, что чаще всего на выборах Президента РФ пользовались дистанционным электронным голосованием граждане в возрасте 35–50 лет (42%), на втором месте – молодые граждане в возрасте 18–35 лет (33%).

В сентябре 2024 года технология ДЭГ будет использована на выборах 25 регионов России. При этом голосование на выборах в Московскую городскую думу восьмого созыва пройдёт в электронном виде (онлайн и через терминал), а для того, чтобы проголосовать с помощью бумажного бюллетеня, избирателям нужно будет предварительно подать заявление. По мнению отечественных политологов, благодаря онлайн-технологиям сегодня в России «создаются новые

²¹ Портал «Всё для победы!». URL: <https://pobeda.onf.ru> (дата обращения: 09.08.2024).

²² Moldova forces regain control of parliament after 'Twitter revolution' // The Guardian. 08.04.2009. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/apr/08/moldova-protest-election-chisinau> (accessed: 09.08.2024).

²³ ФСБ задержало администраторов тг-каналов, подконтрольных разведке Украины // Новое дело. 30.09.2022. URL: <https://ndelo.ru/novosti/fsb-zaderzhalo-administratorov-tg-kanalov-podkontrolnyh-razvedke-ukrainy> (дата обращения: 09.08.2024).

инструменты интернет-голосования, блокчейн-голосования, комбинированного голосования, которые значительно повышают прозрачность выборов и ускоряют подведение их итогов, позволяют проводить быстрый аудит поданных избирателями голосов» [29, с. 203].

Заключение. Таким образом, можно констатировать, что после 24 февраля 2022 года в России произошла определённая трансформация публичного дискурса и структуры медиапотребления, а также связанных с этим фактором практик политического участия россиян. Наблюдается дифференциация социально-активной части населения на две неравных группы: с одной стороны, несогласное протестное меньшинство, главной формой политического участия и «высказывания» которого стали эмиграция или спонтанные акции протеста; с другой стороны – консолидированное патриотически настроенное большинство, выражающее поддержку деятельности руководства страны через традиционные формы участия, а также практики, которые получили массовое распространение именно в условиях СВО: благотворительность, волонтерство, «провластное» электоральное поведение, информационно-агитационную работу.

После блокировки Facebook* и Instagram* наиболее популярной социальной сетью по ежемесячному охвату пользователей стала «ВКонтакте», тогда как наиболее востребованной для ежедневного использования – Telegram. При этом за последние два года наблюдается существенный рост интереса российских пользователей к новостному контенту и контенту политического содержания, что исследователи связывают с актуальностью темы СВО.

Социальные сети, мессенджеры и цифровые ресурсы в период проведения СВО остаются важными инструментами реализации гражданского и политического участия российских граждан. Преобладающими практиками такого участия, обусловленного использованием цифровых технологий, на сегодняшний день является волонтерская деятельность (включая «виртуальное волонтерство»), протестное политическое участие, а также конвенциональные практики электорального участия с использованием технологий дистанционного электронного голосования.

Библиографический список

1. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective // Journal of Civil Society. 2014. Vol. 10, No. 1. P. 5–28. DOI [10.1080/17448689.2013.871911](https://doi.org/10.1080/17448689.2013.871911). EDN UVBEKN.
2. Vromen A., Gelber K. Power-scape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney : Alien & Unwin, 2005. ISBN 978-1865089218.
3. Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY : Routledge, 2018. DOI [10.4324/9780203728673](https://doi.org/10.4324/9780203728673).
4. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5(153). С. 3–18. DOI [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01). EDN GGAGUX.
5. Попова О. В. Особенности политического сознания современной российской молодёжи // Политическая наука. 2017. № 1. С. 138–162. EDN YJMEYV.
6. Селезнева А. В., Азарнов А. А. «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 101–113. DOI [10.17976/jpps/2020.05.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08). EDN AIQFUR.

* Холдинг Meta, куда входят Instagram и Facebook, 21 марта 2022 года признан экстремистской организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ.

7. Левашов В. К., Гребняк О. В. Актуальные изменения социальных сетей и цифровой среды в период специальной военной операции на Украине // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8, № 2(30). С. 204–213. DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-204-213](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213). EDN [KHJIBR](https://www.edn.ru/entry/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213).
8. Карпов П. Н. Роль новых медиа в политической коммуникации: Интернет как инструмент формирования новой политической реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 1. С. 137–149. EDN [PVPLCF](https://www.edn.ru/entry/10.18255/2412-6519-2013-1-137-149).
9. Куньщиков С. В., Строганов В. Б. Трансформация специфики политического манипулирования в «новых медиа» // Вопросы управления. 2018. № 6(55). С. 7–12. EDN [YUNNWX](https://www.edn.ru/entry/10.18255/2412-6519-2018-6-7-12).
10. Мельник Г. С. Новые (тактические) медиа как структурный компонент мобилизационных технологий // Гуманитарный вектор. 2014. № 3(39). С. 130–135. EDN [SMFXAV](https://www.edn.ru/entry/10.18255/2412-6519-2014-3-130-135).
11. Шестов Т. Л., Кузьмин В. А. Значение «новых медиа» в современном политическом процессе // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 2. С. 69–77. EDN [VYHWJTJ](https://www.edn.ru/entry/10.18255/2412-6519-2019-2-69-77).
12. Дейнека О. С., Максименко А. А. Отражение решения о специальной военной операции в массовом сознании // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2023. Т. 8, № 1(29). С. 89–112. DOI [10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03](https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03). EDN [XIBJMO](https://www.edn.ru/entry/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03).
13. Мустакимов А. В., Рогачев С. В. Влияние международного санкционного давления на консолидацию российского общества (2014–2023 гг.) // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 5. С. 46–56. DOI [10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56). EDN [YALPOK](https://www.edn.ru/entry/10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56).
14. Скоробогатый П. Итоги ЕДГ: новая консолидация // Эксперт. 2022. № 38. С. 50–52.
15. Гармоненко Д., Родин И. Мобилизация как испытание для вертикали власти // Независимая газета. 21.09.2022. URL: https://www.ng.ru/politics/2022-09-21/1_8545_vertical.html (дата обращения: 09.08.2024).
16. Казаков А. А. Два года СВО: динамика изменения отношения молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, № 2. С. 185–195. DOI [10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195). EDN [CXHEMK](https://www.edn.ru/entry/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195).
17. Ильин В. А., Морев М. В. Специальная военная операция выявляет новые черты гражданского общества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 9–32. DOI [10.15838/esc.2022.5.83.1](https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1). EDN [IJGJHO](https://www.edn.ru/entry/10.15838/esc.2022.5.83.1).
18. Шатилов А. Б. Гражданское общество в России: третий путь // Власть. 2023. Т. 31, № 4. С. 9–14. DOI [10.31171/vlast.v31i4.9682](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682). EDN [HVARLP](https://www.edn.ru/entry/10.31171/vlast.v31i4.9682).
19. Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Особенности добровольчества в условиях российской специальной военной операции // Управление устойчивым развитием. 2024. № 1(50). С. 76–81. DOI [10.55421/2499992X_2024_1_76](https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_1_76). EDN [MEMGAC](https://www.edn.ru/entry/10.55421/2499992X_2024_1_76).
20. Лукина К. В., Широкова А. С., Захарычева Т. А. Социологическое измерение реакции пользователей на блокировку Инстаграм: оценка экспертов // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3(100). С. 132–141. DOI [10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141). EDN [VSRVLD](https://www.edn.ru/entry/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141).
21. Щекотуров А. В., Зинич А. В. Медийные источники информации в контексте блокировки социальных сетей (материалы опроса студентов БФУ и ОМГАУ) // Информационное общество. 2023. № 5. С. 56–64. DOI [10.52605/16059921_2023_05_56](https://doi.org/10.52605/16059921_2023_05_56). EDN [NSFCAD](https://www.edn.ru/entry/10.52605/16059921_2023_05_56).
22. Анкудинов И. А. Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2(180). С. 153–177. DOI [10.14515/monitoring.2024.2.2515](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2515). EDN [LLUFIU](https://www.edn.ru/entry/10.14515/monitoring.2024.2.2515).
23. Мартыянов Д. С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 3. С. 20–32. DOI [10.31429/26190567-23-3-20-32](https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-20-32). EDN [CSHGRV](https://www.edn.ru/entry/10.31429/26190567-23-3-20-32).
24. Анищенко А. В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и существенные аспекты // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 4. С. 18–27. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2). EDN [ARPQCF](https://www.edn.ru/entry/10.19181/nko.2023.29.4.2).

25. Нятина Н. В., Григорик Н. Н., Молчанов А. А. Цифровизация социально-политического взаимодействия: мобилизация реальной и виртуальной коммуникации // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 3(7). С. 167–174. DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174. EDN VBVRGU.
26. Hansen N. W., Nau M. F. Between Settlement and Mobilization: Political Logics of Intra-Organizational Union Communication on Social Media // Work, Employment and Society. 2024. Vol. 38(2). P. 299–317. DOI 10.1177/09500170221122537.
27. Головацкий Е. В. Региональная специфика цифровой мобилизации социального и политического взаимодействия сетевых сообществ // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 4(8). С. 246–254. DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254. EDN VVYJAF.
28. Мизюркин Ю. А. Роль интернет-коммуникаций в движениях протеста в странах Магриба и Ближнего Востока // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1(44). С. 113–119. EDN SFBWDF.
29. Бронников И. А., Горбачев М. В. Политическая коммуникация в изменяющемся мире: теория и практика. М. : Издательство Московского университета, 2022. 540 с. ISBN 978-5-19-011761-5.

Поступила: 15.08.2024. Доработана: 20.09.2024. Принята: 02.10.2024.

Сведения об авторе:

Анищенко Александр Викторович, аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия. aav030585@mail.ru

A. V. Anishchenko¹
¹ FCTAS RAS. Moscow, Russia

POLITICAL PARTICIPATION AND DIGITAL COMMUNICATIONS OF RUSSIANS AFTER THE START OF THE SMO: FEATURES AND MAIN FORMS

Abstract. The article is devoted to identifying key changes in the practices of political participation of Russian citizens during the period of a Special military operation on the territory of Ukraine, caused, among other things, by the transformation of public political discourse and the digital environment. Analyzing the phenomenon of social consolidation in the conditions of ITS, key models of political participation and changes in media consumption of Russians over the past two years, the author concludes that after February 24, 2022, a certain transformation of public discourse and structure of media consumption, as well as related practices of political participation of Russians, took place in Russia. There is a differentiation of the socially active part of the population into two unequal groups: on the one hand, a dissenting protest minority, whose main form of political participation and “statements” were emigration or spontaneous protests; on the other hand, a consolidated patriotic majority expressing support for the activities of the country’s leadership through traditional as well as new forms of participation: charity, volunteering, “pro-government” electoral behavior, information and campaigning work. It is also noted that the prevailing practices of political participation due to the use of digital technologies today are volunteer activities (including “virtual volunteering”), protest political participation, as well as conventional practices of electoral participation using remote electronic voting technologies.

Keywords: special military operation, SMO, political participation, media consumption, volunteering, protests, remote electronic voting

For citation: Anishchenko A. V. Political participation and digital communications of Russians after the start of the SMO: features and main forms. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):36–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.3>

References

1. Barrett M., Brunton-Smith I. Political and Civic Engagement and Participation: Towards an Integrative Perspective. *Journal of Civil Society*. 2014;10(1):5–28. DOI [10.1080/17448689.2013.871911](https://doi.org/10.1080/17448689.2013.871911).
2. Vromen A., Gelber K. Power-scape: Contemporary Australian Political Practice. Sydney: Alien & Unwin; 2005. ISBN 978-1865089218.
3. Theocharis Y., van Deth J. Political Participation in a Changing World: Conceptual and Empirical Challenges in the Study of Citizen Engagement. NY: Routledge; 2018. DOI [10.4324/9780203728673](https://doi.org/10.4324/9780203728673).
4. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest among Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(5):3–18. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.5.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01).
5. Popova O. V. Political consciousness of today's Russian young people. *Political science (RU)*. 2017;(1):138–162. (In Russ.).
6. Selezneva A. V., Azarnova A. A. “Birth of a Citizen”: Political and Psychological Analysis of Russian High School Students' Civic Consciousness. *Polis. Political Studies*. 2020;(5):101–113. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2020.05.08](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.08).
7. Levashov V. K., Grebnyak O. V. Current changes in social media and the digital environment during a special military operation in Ukraine. *Socialnye i gumanitarnye znaniya*. 2022;8(2):204–213. (In Russ.). DOI [10.18255/2412-6519-2022-2-204-213](https://doi.org/10.18255/2412-6519-2022-2-204-213).
8. Karpov P. N. The role of new media in the political communication: internet as an instrument of setting the new agenda. *RUDN Journal of Political Science*. 2013;(1):137–149. (In Russ.).
9. Kunshchikov S. V., Stroganov V. B. Transformation of the specifics of political manipulation in “new media”. *Management Issues*. 2018;(6):7–12. (In Russ.).
10. Melnik G. S. New (tactical) media as a structural component of mobilization techniques. *Humanitarian Vector*. 2014;(3):130–135. (In Russ.).
11. Shestova T. L., Kuzmin V. A. The importance of “new media” in the modern political process. *Bulletin of Moscow University. Series 27. “Global Studies and Geopolitics”*. 2019;(2):69–77. (In Russ.).
12. Deyneka O. S., Maximenko A. A. Reflection of the decision on a special military operation in the mass consciousness. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2023;8(1):89–112. (In Russ.). DOI [10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03](https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_03).
13. Mustakimov A. V., Rogachev S. V. The Impact of International Sanctions Pressure on the Consolidation of Russian Society (2014–2023). *Sociopolitical Sciences*. 2023;13(5):46–56. (In Russ.). DOI [10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56](https://doi.org/10.33693/2223-0092-2023-13-5-46-56).
14. Skorobogaty P. Results of the EDG: new consolidation. *Expert*. 2022;(38):50–52. (In Russ.).
15. Garmonenko D., Rodin I. Mobilisation as a test for the vertical of power. *Nezavisimaya Gazeta*. 21.09.2022. Available at: https://www.ng.ru/politics/2022-09-21/1_8545_vertical.html (accessed: 09.08.2024).
16. Kazakov A. A. Two years of Special Military Operation: Dynamics of changes in the attitude of youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2024;24(2):185–195. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2024-24-2-185-195).
17. Ilyin V. A., Morev M. V. The special military operation reveals new features of civil society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022. T. 15, № 5. С. 9–32. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2022.5.83.1](https://doi.org/10.15838/esc.2022.5.83.1).
18. Shatilov A. B. Civil Society in Russia: the Third Way. *Vlast'*. 2023;31(4):9–14. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v31i4.9682](https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682).
19. Zinurova R. I., Tuzikov A. R. Features of volunteering under the conditions of the Russian special military operation. *Managing sustainable development*. 2024;(1):76–81. (In Russ.). DOI [10.55421/2499992X_2024_1_76](https://doi.org/10.55421/2499992X_2024_1_76).
20. Lukina K. V., Shirokova A. S., Zakharycheva T. A. Sociological measurement of user reaction to Instagram blocking: expert assessment. *Power and Administration in the East of Russia*. 2022;(3):132–141. (In Russ.). DOI [10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-132-141).
21. Shchekoturov A. V., Zinich A. V. Media sources of information in the context of blocking social networks (materials of a survey of IKBFU and Omsk SAU students). *Information Society*. 2023;(5):56–64. (In Russ.). DOI [10.52605/16059921_2023_05_56](https://doi.org/10.52605/16059921_2023_05_56).

22. Ankudinov I. A. Patriotic Discourse in Runet: Before and after February 24, 2022. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2024;(2):153–177. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2024.2.2515](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.2.2515).
23. Martyanov D. S. Transformation of Virtual Public Sphere in The Context Conditions of a Special Military Operation. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2022;23(3):20–32. (In Russ.). DOI [10.31429/26190567-23-3-20-32](https://doi.org/10.31429/26190567-23-3-20-32).
24. Anishchenko A. V. The phenomenon of digital political participation: forms, models and essential aspects. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):18–27. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.2).
25. Nyatina N. V., Grigorik N. N., Molchanov A. A. Digitization of socio-political interaction: mobilization of real and virtual communication. *Virtual communication and social networks*. 2023;2(3):167–174. (In Russ.). DOI [10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-3-167-174).
26. Hansen N. W., Hau M. F. Between Settlement and Mobilization: Political Logics of Intra-Organizational Union Communication on Social Media. *Work, Employment and Society*. 2024;38(2):299–317. DOI [10.1177/09500170221122537](https://doi.org/10.1177/09500170221122537).
27. Golovatsky E. V. Digital mobilization of social and political interaction in network communities: regional specifics. *Virtual communication and social networks*. 2023;2(4):246–254. (In Russ.). DOI [10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254](https://doi.org/10.21603/2782-4799-2023-2-4-246-254).
28. Mizyurkin Yu. A. The role of Internet communications in protest movements in the Maghreb and Middle East. *Puti k miru i bezopasnosti*. 2013;(1):113–119. (In Russ.).
29. Bronnikov I. A., Gorbachev M. V. Political Communication in a Changing World: Theory and Practice. Moscow: Moscow University Publ.; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-19-011761-5.

Received: 15.08.2024. Corrected: 20.09.2024. Accepted: 02.10.2024.

Information about the author:

Alexander V. Anishchenko, Postgraduate Student, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia.

aav030585@mail.ru